

Лидия Алексеевна Чарская

Вторая Нина

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5

Лидия Алексеевна Чарская

Вторая Нина / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-1631-5

В начале XX века произведения Л.Чарской (1875-1937) пользовались необычайной популярностью у молодежи. Ее многочисленные повести и романы воспевали возвышенную любовь, живописали романтику повседневности - гимназические и институтские интересы страсти, столкновение характеров. О чем бы ни писала Л.Чарская, она всегда стремилась воспитать в читателе возвышенные чувства и твердые моральные принципы.

ISBN 978-5-4241-1631-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Чарская Лидия Алексеевна.
Вторая Нина.

Предисловие

Л. Чарская впервые побывала на Кавказе еще в бытность свою воспитанницей Павловского института, – одна из одноклассниц, грузинка, пригласила ее погостить летом в Гори. Кавказ сразу и навсегда покорил сердце будущей писательницы. Позднее, став взрослой, она снова и снова возвращалась сюда и подолгу жила то в небольших грузинских городках, то в горных аулах.

Щедрая и загадочная природа, своеобразный быт, пестрая смесь племен и наречий, романтические судьбы, неповторимый колорит героической старины, чарующие напевы и зажигательные пляски, захватывающие состязания бесстрашных джигитов – все это нашло отражение уже в ранних ее рассказах. Отдельной книгой вышли собранные Чарской на Кавказе грузинские сказки, стариные предания и поверья.

Несколько больших повестей составили своего рода «Кавказский сериал», как сказали бы сегодня, посвященный славному княжескому роду Джаваха, его юным представительницам. Наше издательство, к сожалению, пока не может опубликовать все произведения этого цикла, достойные переиздания. Для начала мы выбрали две книжки, самые популярные и любимые читателями в свое время. Это «Княжна Джаваха» и «Вторая Нина».

Первую книгу наши читатели уже получили, прочли и, надо полагать, запомнили, чем кончается повесть. Юная княжна Нина Джаваха соглашается остаться в Петербурге и продолжить учебу. Неожиданное появление в классе новенькой – Люды Влассовской, которая становится ее преданным, задушевным другом, примиряет княжну и с неласковым северным городом, и с почти казарменной обстановкой в институте.

Во «Второй Нине» мы снова попадаем в княжеский дом генерала Георгия Джавахи и встречаемся с его дочерью Ниной, которой, однако, еще только предстоит отправиться в Петербург и поступить в институт... Здесь же, в доме, живет, называя князя Георгия отцом, и... Люда Влассовская, только теперь она почему-то вдвое старше Нины... Изумленный читатель вправе спросить: «Да не путаница ли все это, не ошибка ли?» Отнюдь. Ведь книга, которую вы сейчас держите в руках, не случайно называется «Вторая Нина». Вторая. Дело в том, что героев и события этих повестей разделяет целых пятнадцать лет.

Что же произошло за эти годы? Гнилой петербургский климат оказался гибельным для княжны, и Георгий Джаваха потерял дочь. Верная памяти любимой подруги, Люда Влассовская по окончании института решила связать свою судьбу с Кавказом и приняла предложенное ей место гувернантки в грузинской семье. Попав в Гори, Люда, конечно же, отправляется на поиски дома, где прошло детство княжны Джавахи. Но войти туда не решается, боясь потревожить покой безутешного отца. Ведь она не знает, что князь Георгий, в свою очередь, разыскивает ее и готов назвать дочерью.

Нежданно-негаданно Люда Влассовская обретает не только названного отца, но и названную сестру – маленькую Нину. Эта девочка – дочь Бэллы и Израэла.

Помните молоденькую тетку княжны Джавахи – красавицу Бэллу? Помните, как отплясывала на ее свадьбе Нина? Так вот, когда у Бэллы и Израэла родилась дочь, ее назвали Ниной в честь незабываемой общей любимицы. Увы, словно

злой рок продолжал преследовать родню князя Георгия!

Молодые, красивые, счастливые родители маленькой Нины, Бэлла и Израэл, погибли в горах во время грозы. И Георгий Джаваха дает обет заменить малютке отца. Так появилась в его доме и на страницах «кавказского сериала» вторая Нина.

ВСТУПЛЕНИЕ. В ГРОЗОВУЮ НОЧЬ.

— Быстрее, Смелый! Быстрее, товарищ! — И смуглая маленькая рука, выскользнув из-под полы косматой бурки, нежно потрепала влажную, в пене, спину статного вороного коня... Конь прибавил ходу и быстрее ветра понесся по узкой горной тропинке над самым обрывом в зияющую громадной черной пастью бездну...

Юный всадник, с головой закутанный в бурку, припал к шее своего четвероногого друга, крепче уперся ногами в стремена, сильнее и круче натянул поводья.

Гроза надвигалась. Пritchудливо разорванные черные тучи, пугливо толпясь и сливаясь, как бы прижимались друг к другу — в страхе перед тем надвигающимся таинством, роковым и могучим, что должно было произойти в природе. Предгрозовой бурный и дикий вихрь кружил в ущельях и терзал верхушки каштанов и чинар внизу, в котловинах, предвещая нечто жуткое, страшное и грозное. Казалось, не ветер свистел в ущельях, а черные джинны гор и пропастей распевали свои погребальные песни...

Точно подкрадываясь все ближе и ближе мягким кошачьим шагом, надвигалась из темноты ночи непостижимая тайна стихии. И от этого ощущения тоскливо сжималось сердце всадника в бараньей бурке.

Юный всадник горячил коня задниками высоких туземных сапог-чувяков из желтой кожи и, наклоняясь к черному, как сажа, уху вороного, шептал:

— Но-но... Прибавь еще ходу, Смелый... Живее, голубчик!.. Айда! Нам надо до грозы добраться в Гори... Не то плохо придется нам с тобой! Вперед, мой Смелый! Спеши! Вперед!

Легкий взмах нагайки... Характерное гиканье... И умное, гордое животное понеслось по откосу бездны с быстротою стрелы, выпущенной из лука.

Тьма разом застала чернотой и небо, и землю, и горы, и бездны... Дикий свист ветра превратился в сплошной могучий рев... Уже не темные джинны уплююкали в глубокой пропасти... Сам шайтан, князь бездны, скликал ночных духов на свой страшный полночный пир. Беспросветная тьма вдруг разорвалась ослепительной стрелой молнии. Оглушительный удар грома потряс каменные твердыни... Великаны-горы ответили громким протяжным стоном... Первый удар раскатился далеким эхом и пропал в беспредельности... Где-то поблизости сорвалась тяжелая груда обвала... Осколки ее покатились в бездну, звеня и гремя, по каменистой почве...

Смелый резко остановился и замер, дрожа, фыркая и дико кося налитым кровью глазом.

Напрасно смуглая рука всадника поглаживала его взмыленную спину, а ласковый голос одобряюще шептал в уши:

— Но-но, мой милый, мой славный! Но-но! Вперед, товарищ... Скоро и Гори... Айда! Айда, Смелый!

Тщетно. Ответом было лишь тихое, тревожное ржание испуганного коня. Будто Смелый просил у хозяина прощения.

Тогда юный всадник легко спрыгнул с седла и, взяv коня за повод, повел по тропинке, осторожно шагая в ночи.

Кругом грозными великанами теснились скалы... Они казались призрачными

стражами наэлектризованной душной ночи... От цветов, что росли в низинах, поднимался сюда, в горы, дурманящий, как мускус, прянный аромат, кружа голову и тревожа воображение неясными образами и туманными грезами.

Теперь оглушительные раскаты грома следовали удар за ударом – без конца и счета. Огненные зигзаги молний то и дело прорезывали кромешную тьму. Тяжелые капли дождя ударили в каменистую почву... Начался ливень...

– Великий Боже! Мы опоздали! – испуганно воскликнул юный всадник. Через минуту он был в седле, взмахом нагайки пустил коня, и тот помчался вперед – наудачу, прямо в чернеющую мглу.

Отчаянный скачок Смелого, испуганного очередным ударом грома, оказался роковым – конь и его хозяин полетели в бездну.

ХХХ

– Ты слышишь крик, Ахмет?

– Тише, ради Аллаха! Великий джин бездны не любит, когда люди вслушиваются в его ночной призыв...

– А ты, Сумбат-Магома, ты слышал?

– Так, господин... Но это был не крик шайтана, клянусь могуществом Аллаха, это человек взывал о помощи. – Смуглый горец покосился в беспроственную тьму ночи.

– Ты уверен в этом?

– Слушай! Ухо Сумбат-Магомы верно, как слух горного джейрана... Оно никогда еще не обманывало меня... В горах кричит человек и просит о помощи...

– Не слушай его, – смеясь, возразил тот, которого звали Ахметом, – он, как дряхлые старухи аула, склонен видеть то, чего нет, и не замечает порой того, чего не пропустят соколиные очи твоих верных абреков... Сумбат-Магома, ты грешишь наяву! Проснись!

Тот вздрогнул, схватился за кинжал, и смуглое лицо его вспыхнуло ненавистью... Бог знает, чем кончилась бы для Ахмета его неосторожная шутка, если бы тот, кого оба горца почтительно называли господином, не положил на плечо обиженнего небольшую, но сильную руку.

– Спокойно, Магома! Не будь ребенком... Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы – кунаки, клялись друг другу в кровной дружбе... Напоминаю тебе об этом.

– Ты слишком добр, господин! – произнес Магома покорно, однако в черных глазах его, прикрытых темными длинными ресницами, искрились недобрые огоньки.

Втроем они сидели у костра в просторной пещере Уплис-цихе, или пещерного города, находившегося в семи верстах от Гори, в самом сердце Карталинии, плодороднейшей части Грузии. Неподалеку были стреножены их лошади – сильные, выносливые горские лошадки. Все трое были одеты в темные чохи с газырями на груди, в барабаны папахи и мягкие чувяки; у всех троих были заткнуты за поясами кинжалы и пистолеты, а у молодого господина, очевидно, начальника, была кривая турецкая сабля, впрочем, и все его оружие выглядело богаче и наряднее оружия товарищей. Он и внешне отличался от остальных. Лица Магомы и Ахмета были отмечены характерным выражением вороватой проницательности, тогда как в тонких чертах его красивого лица преобладала величавая гордость. Черные глаза горели отвагой, губы прекрасного ребенка улыбались

насмешливо, гордо и властно. Детская чистота и даже наивность уживались в выражении этого лица с надменностью, дерзким вызовом, и, быть может, в этом и состоял секрет его обаяния. Ему было лет двадцать пять, не больше.

Догоравшие уголья костра, осветив прощальным светом пещеру, потухли. И все погрузилось во мрак. Лишь на мгновения освещалось убежище горцев – отсветами молний.

– Пора спать, – предложил красивый горец с гордой осанкой, – на заре надо двигаться дальше. Наши ждут у истоков Арагвы... Опаздывать нельзя... Алла верды...

Сбросив с плеч суконную чоху, он разостлал ее на полу пещеры и, повернувшись лицом к востоку, стал шептать слова вечернего намаза. «Ал-иллях-иль-Алла, Магомет рассуль-Алла!» – слышалось в темноте.

Товарищи последовали примеру начальника.

Вдруг страшный, пронзительный крик прорезал ночь.

– По-мо-ги-те!.. Спасите! – молил неподалеку от пещеры испуганный голос.

– Ты слышишь, господин? Он не ошибся! Это не джин бездны завлекает путника. Там кричит человек! – согласился, наконец, Ахмет, вскакивая на ноги.

– Может быть, богатый человек. Может быть, армянский купец из Тифлиса или Гори... – предвкушая наживу, подхватил Сумбат-Магома.

– Молчи, Магома! Или ты не знаешь, что несчастье человека, нуждающегося в помощи, не может повлечь к дурным мыслям о грабеже? Или ты, как простой душман, думаешь только о наживе?.. Стыдись, Магома, высказывать то, чем черный дух смущает твою душу... Надо спешить на помощь, надо спасти человека...

И, выхватив из костра тлеющую головню при помощи двух кинжалов, ага-Керим, как звали красивого горца, мгновенно раздул ее и, освещая себе путь, выбежал из пещеры.

– Эй! Ради Аллаха! Откликнись, где ты? – перекрывая шум дождя, разносившийся в горах голос Керима.

Потом он замер с высоко поднятой головней в руках, дожидаясь ответа... Его друзья молча остановились за ним.

Только отдаленные раскаты грома, неизбежные спутники грозы, медленно затихая, отдавались замирающим эхом в сердце каменных утесов. Наконец, тихий стон послышался поблизости:

– Помогите! Я умираю!

– Это не наш! Это урус просит о помощи! Брось его погибать, как собаку! – возбужденно заговорил Ахмет, приближаясь в темноте к Кериму.

– И урусы, и мусульмане, все люди равны перед лицом Аллаха! – раздался во мгле гортанный голос Керима.

И с поднятой головней он бросился к тому месту, откуда слышался стон. Какое-то черное существо, уцепившись за сук архани, старалось удержаться на откосе бездны.

– Кто ты? – крикнул Керим по-лезгински.

Только глухой стон был ему ответом.

– Кто ты, назовись, во имя Аллаха, если ты жив! – крикнул горец – уже по-русски.

Из-под черной бурки выглянуло бледное, как смерть, юное лицо, и дрожащий

голос прошептал:

— Мне плохо... У меня сломана рука... Помогите... — и голосок бедняги сорвался в мучительный стон.

— Сумбат-Магома... Ахмет... Мои верные друзья! Сюда! Скорее, ко мне на помощь... Мальчик умирает! — вскричал Керим, бросаясь к погибающему.

Подобравшись к нему, Керим быстро взвалил на плечи небольшую и легкую, как перышко, фигурку и понес к пещере.

Ахмет и Сумбат-Магома последовали было за своим господином, как вдруг глаза их, пронзительные и зоркие, как у кошек в темноте, заприметили погибшего коня с дорогим седлом, под расшитой шелками попоной. Сумбат-Магома, не раздумывая, устремился за добычей. Седло он взял себе, а попону подарил Ахмету — в знак примирения.

Яркий свет костра снова освещал пещеру. У самого огня лежал юный путник, спасенный Керимом. Юноша все еще не пришел в чувство. Высокая белая папаха с атласным малиновым верхом была низко надвинута на лоб... Тонкий прямой нос с горбинкой, полуоткрытый алый рот с жемчужной подковкой зубов. Длинные ресницы, черные, сросшиеся на переносице брови подчеркивали белизну кожи. Лицо казалось воплощением строгой юношеской красоты.

Керим-ага долго стоял, любуясь юношой или скорее мальчиком, потому что на вид ему было не более четырнадцати, пятнадцати лет. Потом он быстро обернулся к Сумбат-Магоме и коротко приказал:

— Набери воды в горном источнике в свою папаху, Магома, и принеси сюда скорее.

— Слушаю, господин! — отвечал тот почтительно и бросился исполнять поручение.

Тотчас же он вернулся со студеной ключевой водой. Керим-ага поспешил снять папаху с бесчувственно распростертого передним мальчика, чтобы смочить ему лицо и голову, и... общий крик изумления огласил низкие своды пещеры.

Из-под высокой бараньей папахи скользнули две черные и блестящие девичьи косы!

Перед Керимом и его друзьями лежала красивая девушка или, вернее, девочка-подросток того истинно кавказского типа горянки, который встречается только в лезгинских аулах Дагестанских гор.

Словно разбуженная неожиданным криком, девочка пришла в себя и открыла глаза...

Ни страха, ни испуга не было в этих горящих, как звезды, глазах при виде незнакомых мужчин.

— Где я? — спросила черноглазая девочка по-лезгински, задержав взгляд на красивом характерном лице горца.

— В Уплис-цихе, красавица! — отвечал тот, — в пещерном городе, где жил когда-то могучий и смелый народ картли...

Едва дослушав ответ, она обратилась к Кериму с новым вопросом:

— Кто вы?

— Разве ты не знаешь, красавица, что в горах Кавказа не спрашивают имени встречного? Ведь я не спрашиваю тебя, почему ты, девушка, носишься в такую ночь в горах, одетая джигитом?

— Напрасно! — воскликнула девочка, и черные глаза ее сверкнули чуть замет-

ной усмешкой. – Только барантачи и душманы скрывают свое имя... а я... я племянница и приемная дочь знатного и известного русского генерала, князя Георгия Джаваха, я могу сказать мое имя – меня зовут Нина бек-Израэл.

Бледное лицо выражало столько гордого достоинства, что горцы могли не сомневаться в том, что она сказала правду о своей принадлежности к знатному аристократическому роду.

– Я не останусь в долгу у тебя, княжна, – произнес со своей обычной тонкой усмешкой Керим, – и также назову себя, чтобы не слышать от слабой женщины, почти ребенка, упрека в трусости: не простой барантач пред тобой, красавица. Я – Керим-Самит, бек-Джемал, из аула Бестуди.

Едва молодой горец договорил, бледное лицо девочки вспыхнуло ярким румянцем.

– Бек-Джемал-Керим, вождь душманов? Глава разбойничих шаек, наводящий ужас чуть не на весь Кавказ? Тот, за поимку которого назначена огромная сумма, которого ищут казаки в горах, для которого давно приготовлена тюрьма, Керим-Джемал-ага – ты?!

– Я! – спокойно подтвердил красивый горец и, скрестив руки на груди, смотрел в лицо Нины, пожалуй, наслаждаясь впечатлением, произведенным на нее его словами.

– Ты? – только и могла выговорить княжна, – ты – Керим, тот Керим, который грабит мирных путников, врывается в селения добрых людей и...

– Это ложь! – воскликнул молодой бек и топнул ногой, обутой в мягкий чувяк, – это ложь! Кто говорил тебе все это, княжна?

– Кто говорил! – пылко подхватила Нина, и большие, выразительные глаза ее загорелись неспокойными огоньками. – Дядя Георгий говорил мне это, моя старшая названная сестра Люда говорила, знакомые, слуги, все... все... Весь Гори знает твое имя, твои ужасные подвиги... Весь Гори говорит о том, как ты проливаешь кровь невинных... Говорят...

– Они лгут! – сумрачно произнес бек-Джемал. – Видит Аллах, они лгут! Керим-бек – не барантач-душегуб, не разбойник. Керим не жаждет наживы. Он пальцем не тронет честного горца... Только тех, кто нажил себе богатство ценой крови и обмана, тех не пощадит Керим... и выпустит ниццим байтушем из своих рук... Я бы мог выскажать тебе еще много истин, но Пророк свидетель: не было еще случая, чтобы Керим оправдывался перед кем-либо, а тем более перед лицом девушки, ребенка... Помолчим об этом... Да и отдохнуть время... Гроза миновала. Звезда Ориона зажглась на небе, и тихий ангел сна приблизился к природе. Спи, княжна. Боль утихнет за ночь, и ты проснешься с зарей, свежая и прекрасная, как роза Востока...

Керим ласково кивнул княжне.

– За ночь... Но разве я должна буду провести ночь здесь?

– Или ты боишься? – тонко усмехнувшись под своими черными усами, спросил Керим.

– Я ничего не боюсь, – гордо произнесла девочка. – Нина бек-Израэл не знает, что такое страх... Я не хваляюсь, Керим, хвастливи не было еще в роду нашем. Ты сам говоришь, что ты родом из аула Бестуди. Значит, ты должен знать моего деда, старого Хаджи-Магомета...

– Чудесный старик ага-Магомет, да продлит Аллах его род до конца Вселен-

ной! – почтительно произнес молодой горец.

– Увы, Керим! Богу не угодно было продлить род дедушки Магомета... Он не имел сына...

– Но зато у него были дочери, прекрасные, как гурии из садов Пророка. Ребенком я видел их и запомнил...

– Они умерли обе. Умерли, уйдя навсегда из аула... и сделавшись христианками. Я – дочь одной из них, дочь Бэллы, впоследствии Елены бек-Израэл...

Не детская, отчаянная печаль прозвучала в голосе молоденькой княжны. Горцы с невольным участием взглянули на нее.

Потом Нина нахмурилась, отчего черные, густые брови ее почти сошлись на переносице, и произнесла глухо, пряча взгляд, затуманенный слезами:

– Ты спас мне жизнь, Керим-ага, и я всей душой благодарна тебе за это. Мне жаль, что я не могу позвать тебя в дом моего дяди и приемного отца, как кунака-гостя, и отблагодарить тебя, как следует... Ведь ты не придешь... А денег у меня нет с собой...

– Денег я не возьму от тебя, княжна; у Керима и без тебя много желтых туманнов¹, драгоценного оружия с золотыми насечками... Его сакля полная чаша... ему ничего не надо, а если он пожелает, его верные слуги и друзья добудут ему сколько угодно богатства... Но отказываться от гостеприимства не позволил Пророк. Я приду в твой дом. Жди меня, княжна.

И снова он усмехнулся лукаво и дерзко.

Потом, наклонившись к девочке, заботливо предложил:

– Если рука твоя еще болит, – провели ночь в этой пещере. Мои друзья и я будем охранять твой покой; если же ты в состоянии ехать в Гори, на моем коне, я довезу тебя до твоего дома...

– Но тебя могут увидеть и...

Нина вздрогнула при одной мысли о том, что могло ожидать ее спасителя в Гори.

– Полно, дитя! Ноги Керима-бека-Джемала могут сравняться в скорости разве лишь с ногами горного тура, а зоркие очи его издалека видят опасность... Садись на моего коня, княжна. Я отвезу тебя в твой дом.

– На твоего коня? А где же мой конь? Мой Смелый? – встревоженно спросила Нина.

– Твой конь менее счастлив, нежели ты сама. Он лежит мертвый на дне ущелья. Вы упали с ним с высокого откоса, княжна, и не запутайся ты в кусте архани, – тебя постигла бы участь твоего коня – ты бы разбилась вдребезги.

Нина вздрогнула и побледнела.

Она была на краю гибели и почти не сознавала этого. А ее конь, ее бедный конь погиб.

Спазмы сжали ей горло... Слезы обожгли глаза.

– Бедный Смелый! Бедный товарищ! – произнесла она тихо.

Она подняла руку к глазам, на которых выступили слезы, и тихо вскрикнула. Рука болела и ныла нестерпимо. Со стоном она упала на бурку.

Стараясь скрыть слезы, вызванные и горем, и болью, Нина произнесла с заметным усилием:

– Мне необходимо в Гори... Домой скорее... Там ждут... Беспокоятся... и потом, рука... ах, как болит рука!..